

Белые ночи

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 3. М.: Худ. литература, 1971. С. 361 - 363.

Слушай: теперь я расскажу тебе о белых ночах далекого севера.

Все время они вспоминались мне здесь, на юге, среди этой чрезмерной, пышной и декоративной природы, вспоминались, как иногда сквозь туман многих годов вспоминается робкий поцелуй холодных девических уст,-- такой быстрый, трепещущий, пугливый поцелуй в полутьме вечера, у окна, заставленного цветами, за занавеской, которую слабо надувает ветер.

Здесь, на юге, были изумительные ночи! Помню я одну из них -- такую черную, точно небо и земля были покрыты черным бархатом. Какая-то сдержанная страсть, какое-то жгучее желание наполняло воздух и бродило между деревьями и подымалось из травы в пьяном запахе цветов. И казалось, что кто-то шепчет в темноте непонятные безумные слова, чьи-то раскрытые, опаленные зноем губы приближаются к лицу, чье-то тихое, жаркое дыхание касается щеки и шевелит волосы на висках... И ни одной звезды на небе, закрытом тяжелой низкой сплошной тьмой!

Были сказочные лунные ночи с небом, одетым в голубой атлас, и с морем, одетым в синий атлас, залитые сияньем золота и дрожащим блеском серебра, праздничные ночи, сопровождаемые сладостной музыкой волн. Были яркие, бурные ночи, прекрасные и страшные, как лицо разгневанного ангела. Были томительные, странные ночи, с беспокойным ветром, напрягавшим нервы, с оранжевым светом в белых облаках, набегавших на луну, с мечущейся травой и качающимися деревьями.

Как часто тогда грезились мне петербургские белые ночи... Белые, мистические, бессонные ночи!

Нет возможности описать их нежного, тревожного, болезненного очарования. Их странное томление начинается с восьми, девяти, одиннадцати часов вечера. Ждешь ночи, сумерек, но их нет. Занавески на окнах белые. Тянет на улицу...

Полночь. Час ночи. На улице много народа. Но кажется, что все держатся около стен, идут осторожными, уклончивыми шагами, говорят вполголоса. Точно вот-вот в этом фальшивом полусвете, в этом полусне откроется над городом какая-то старинная тайна, и все предчувствуют ее и боятся ее.

Небо распростерлось над землей -- однотонное, мокрое, молочно-белое. Ясно издалека видны фигуры людей, даже их лица, видны вывески магазинов, видны кроткие ресницы у спящих извозчичьих лошадей.

Широкая река, такая спокойная в своей темной гранитной раме. Вся она как жидкое белое молоко. Только редкие ленивые морщинки на ней отливают в изломах синим цветом. Все -- и небо и вода -- похоже на игру перламутра, с его неуловимыми розовыми и голубыми оттенками.

И вот я вхожу в широкую уединенную улицу. Насколько хватает глаз, на ней нет ни одного человека. Шаги мои будят звонкие отзвуки. Налево, направо -- огромные здания, в четыре, пять этажей. Но ни в одном окне нет огня, только бледный свет неба плоско блестит в черных стеклах, которые похожи теперь на ослепшие глаза.

Громадный дом протянулся от переулка. Слепые окна в пять рядов. Сколько людей живет здесь? Триста, четыреста человек? Мне кажется, я вижу, как они лежат сверху донизу и вдоль, один над другим, лежат на спине, на боку, с раскрытыми ртами, терзаемые нездоровыми сновидениями, лежат так близко и так далеко друг от друга!

Кто знает, какие злые шутки есть в распоряжении у судьбы? Вот, может быть, два человека, которые всю жизнь ищут, алчут друг друга, лежат теперь рядом, голова к голове, ноги к ногам, разделенные только четвертью аршина стены? И может быть, никогда в жизни им не суждено встретиться, узнать друг друга, напоить взаимную жажду светом и счастьем. Триста человек спят и грезят в этом каменном чемодане, друг над другом. О, какой ужас скрывается в этой мысли! Мокрые белесоватые здания. Ни души на улице. Жуткая, необычайная греза овладевает моим воображением...

Кто знает, чем кончится длинная история нашей планеты, этой крошечной песчинки, несущейся по таинственным спиралям в какую-то страшную, безвестную и бесконечную пропасть? Несомненно, настанет время, когда вымрут последние жалкие, истощенные люди, дрожащие от бессилия и от того, что они уже осмелились заглянуть в бездну. Не все ли равно, отчего они погибнут: от холода, от зноя, от болезней, от безумия, от войны?

Но здания переживут их, здания, годы которых -- столетия. И вот будут проходить дни и ночи, и